УДК 32:316.77

ИВАНОВ Д.Д.

Развитие политической коммуникации в условиях совершенствования ее форм и каналов

В статье затрагиваются вопросы функционирования политической коммуникации на современном этапе – в период совершенствования ее форм, упрощения доступа к информации и каналам коммуникации. Рассмотрены коммуникативный и коммуникационный аспекты предмета исследования, а также обобщены некоторые тенденции развития политической коммуникации в свете виртуализации публичной сферы современного общества.

Ключевые слова: политическая коммуникация, виртуализация, делиберативная демократия, публичная сфера, обратная связь.

Переживаемая человечеством информатизация вкупе с технологизацией меняет облик политических коммуникаций, заставляет по-новому взглянуть на роль коммуникационного аспекта в политической жизни общества. Происшедший в конце XX–начале XXI в. скачок в развитии информационно-коммуникационных технологий предопределил состояние современной эпохи в качестве перехода к информационному обществу, описываемому в рамках теорий Э. Тоффлера[1], со все возрастающей ролью информации в социуме.

Прорыв в информационно-коммуникационной среде приводит к стиранию жестких государственных границ, что способствует преодолению пространственного восприятия. Т.Ю. Чеснокова говорит о размывании традиционных государственных структур в связи с глобализационными процессами в общественно-политической жизни и области информационного взаимодействия[2]. Следовательно, под влиянием перемен XX–XXI вв. перед коммуникационным пространством ставятся новые задачи.

По мнению Д. Вольтона, задачи, стоявшие перед сферой информации и коммуникации в XIX–XX вв., отличаются от тех, которые становятся актуальными в XXI в. Раньше основной проблемой виделось создание условий для свободы коммуникации и преодоления пространственно-временного предела передачи информации, и решению этой задачи способствует технический прогресс. Данный факт подтверждает и высказывание Н. Лумана о том, что “государственные образования, которые формировались в ходе роста возможностей коммуникации, вплоть до начала Нового времени сталкивались с проблемой того, как обеспечить господство над более значительной территорией из единого центра, то есть контролировать ее посредством коммуникации”[3].

В то же время признается и тот факт, что современные технологии в настоящее время предоставляют предпосылки для виртуализации, поскольку достигли колоссального прогресса в построении так называемой виртуальной реальности. Г. Бехманн подчеркивает, что развитие технических средств обусловило возможность интеграции информации в политическое и иное социальное действие, тогда как раньше она лишь сохранялась, пересылалась и обрабатывалась. Эту “возможность непосредственного

взаимодействия с символическими структурами" Г. Бехманн и называет виртуализацией[4].

В настоящее время зачастую происходит перенос коммуникационных процессов из реальной среды в виртуальную. В этом плане мы наблюдаем дихотомию двух сторон развития политических коммуникаций – технологической, связанной с применением различных каналов для передачи сообщений, и смысловой, субъективно направляемой политическими акторами, которые ведут коммуникационный процесс.

На фоне информатизации и развития технологий постепенно видоизменяется форма политических коммуникаций, не оставляя без изменений и их содержание. В связи с этим представляется возможным выделить два аспекта, соответствующие основным компонентам акта политической коммуникации, – коммуникативный и коммуникационный. При этом коммуникативный аспект отражает внутреннее содержание – смыслы и идеи, главенствующие в сообщении, тогда как коммуникационный относится к техническим характеристикам или форме, в которой преподносится коммуникационный акт.

Очевидно, что коммуникативный аспект оказывается непосредственно связанным с коммуникационным. В частности, неотъемлемой частью коммуникации является формируемый субъектами политических отношений политический дискурс, который развивается в виртуальной реальности, созданной субъектами политических отношений через каналы связи. По мнению У. Сарчинелли, в современных демократиях имеет место тенденция преобразования парламентско-представительской системы в "медиапредставительскую"[5]. Благодаря огромному интерактивному потенциалу Интернета в данную виртуальную среду постепенно переходит диалог власти и общества. Создаваемые в разных странах мира институты "электронного правительства" служат примером того, как бюрократическая функция власти облекается в ту форму, которая предполагает дальнейшую информатизацию социума.

С расширением интерактивной среды коммуникации "второе дыхание"[6] получила концепция делиберативной (совещательной) демократии, предложенная Дж. Дьюи и развитая Ю. Хабермасом. Термин "делиберативная политика" предполагает "рациональное" обсуждение общественных проблем и достижение такого курса, при котором политические решения были бы "опосредованы и легитимизированы таким обсуждением"[7]. Соответственно, при делиберативной модели демократии основным ресурсом легитимности становится коммуникация – при наличии широких общественных дискуссий, участие в которых для населения, а также их ход и результаты являются открытыми для граждан, многократно увеличивается дальнейшая интеграция населения и степень поддержки власти. Применительно к вертикально выстроенной общественной системе обратная связь образуется при возникновении ответной реакции на импульсы политической системы в сторону гражданского общества. В числе универсальных принципов функционирования обратной связи А.А. Галкин называет неминуемый кризис общественной системы в случае дефицита обратной связи. И наоборот: интенсивное взаимодействие государства и общества способно вызвать напряжение внутри системы, в результате чего возникает "энергия групповых интересов", а также "потенциал критического отношения к политическим институтам"[8].

Соответственно по выстроенным коммуникационным каналам в обе стороны поступает их наполнение, политический дискурс власти и обратная связь. В случае взаимодействия и взаимной коммуникации истеблишмента вкупе с политическими институтами и гражданского общества мы говорим, что данное взаимодействие и коммуникация осуществляются в рамках особого пространства – публичной сферы.

Затрагивая тему технологического прорыва XX–XXI вв. и влияния его на коммуникационное развитие политической системы, нельзя обойти вниманием такой контекст, как функционирование сетевой коммуникации и того, что принято называть политическими сетями. В наше время общественное коммуникативное пространство эксплицитно обнаруживает в себе признаки сетевой организации, которая все теснее связывает внутри себя общественные институты и процессы. Таким образом, развитие каналов коммуникации, все теснее связывая между собой акторов политического процесса,

делает все более актуальными направления исследований, в центре внимания которых оказывается понятие политических сетей. Д.А. Губанов трактует термин "нетократия" как новую форму управления обществом, в рамках которой основной ценностью являются информация и структуры, ее сохраняющие, обрабатывающие и передающие[9]. А. Бард и Я. Зодерквист отмечают, что вслед за нетократией как новым правящим классом можно предвидеть появление низшего класса – консьюметариата как основы общества потребления[10]. При этом "господство интерактивности в качестве главного атрибута информационного обмена приведет к полной смене самих основ установившегося порядка или, говоря научным языком, к изменению парадигмы существования, что в свою очередь приведет к изменению механизмов распределения власти в обществе и переходу ее от одного правящего класса к новому"[11]. На наш взгляд, в случае нетократии необходимо различать ее правящие фунцкии – управление средствами коммуникации и модерирование информационных потоков. При этом в случае объединения данных функций в одних руках политические риски будут возрастать.

Обратим внимание на тенденции, в плоскости которых лежит современное развитие каналов передачи политической информации и деятельности акторов политической коммуникации. Так, согласно ставшей традиционной классификации Р.-Ж. Шварценберга выделяются следующие каналы осуществления политической коммуникации: средства массовой коммуникации, организации (группы), неформальные каналы (личные связи). При этом происходит "непрерывный процесс обмена информацией между индивидами и группами на всех уровнях"[12].

Основываясь на приведенной классификации Р.-Ж. Шварценберга, видим целесообразным условно разделить и акторов политической коммуникации соответственно на *массовые*, *групповые* и *индивидуальные*. Каковы основные черты этих акторов в современных условиях развития коммуникации?

Технологии, ориентированные на *массовую* коммуникацию, становятся детерминантой "медиапредставительской" системы, уже нами упомянутой. Схожим с термином У. Сарчинелли является понятие "медиацентрированная демократия", предложенное Д. Свонсоном. Оно характеризует такую политическую систему, в которой средства массовой информации являются основным источником информации для общественности, вследствие чего политическая активность осуществляется уже с учетом влияния СМИ. Дж. Лиллекер в числе основных характеристик медиацентрированной демократии называет дефицит непосредственной политической активности "с глазу на глаз", а также чрезвычайную важность работы специалистов в области publicrelations и медиа-менеджмента[13]. При этом, исходя из теории медиатизации, СМИ создают и формируют политический дискурс и общество, в котором он имеет место. Это происходит в том числе ввиду того, что медиатизация общества в современной реальности приводит к медиатизации политики. По мнению Дж. Лиллекера, отныне формирование имиджа политических деятелей имеет не меньшую важность, чем непосредственная передача политических сообщений. Ввиду приобретения статуса медийных образов политики навыки и умения работы со СМИ становятся одними из основных для определения успешности среди избирателей в публичной политике. Данный процесс стало принято называть "селебритизацией"[14].

Наряду с другими образами, фигурирующими в новостных выпусках, аналитических программах на ТВ, статьях в сети Интернет, симулякры политических реалий играют свою роль в политической социализации реципиентов. Налицо реально существующий потенциал к конвергенции концептов политических реалий как смысловых категорий, также допускающий манипуляцию умами широких масс.

Никлас Луман в свое время выдвинул концепцию о реальности, конструируемой средствами массовой информации. Согласно Луману, члены конкретной социальной системы наследуют общую модель действительности с общими принципами ее восприятия. Конструируя собственную реальность, СМИ становятся посредниками в формировании отношения людей к реальному миру. Знания, полученные с

помощью масс-медиа, как бы сами собой складываются в замкнутый каркас, элементы которого прочно укрепляют друг друга, заменяя иные ценностные ориентиры. В теории Лумана СМИ формируют социальную память, избирательно фиксируя, о чем следует помнить, а что следует забыть. Память, созданная масс-медиа, является, по мнению немецкого социолога, основой коммуникации, которая как триединство информации (содержания), сообщения (передачи содержания) и понимания образует вторую "фоновую реальность"[15].

Особую позицию по этому вопросу занимает М. Кастельс. Он называет виртуальностью систему, "в которой сама реальность полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом"[16]. При этом М. Кастельс предвидит упадок традиционных СМИ во главе с телевидением одновременно с нарастанием объема использования средств Интернет-коммуникации в политической среде. С появлением виртуальных сообществ, основанных на возможностях прямой коммуникации с помощью глобальных сетей, политические элиты получают возможности для прямого обращения к электорату и оперативного принятия обратной связи. Кроме того, по мнению М. Кастельса, большие возможности для виртуальной реальности дает сочетание новейших средств коммуникации с технологиями мультимедиа, поскольку "они охватывают в своей сфере большинство видов культурного выражения во всем их разнообразии". Исследователь утверждает, что такая ситуация потенциально приведет к размытию границ "между аудиовизуальными средствами и печатными средствами массовой информации, общедоступной и высокой культурой, развлечениями и информацией, образованием и пропагандой"[17].

На наш взгляд, при рассмотрении массовых политических коммуникаций в общем виде к ним стоит относить и Интернет-коммуникации, поскольку современные технологии Веб 2.0 (термин Т. О'Рейлли[18]) позволяют приобщить их к СМК. Благодаря своим свойствам и доступности они, как и традиционные СМИ, способны транслировать сообщения и информировать аудиторию и в дополнение к этому имеют в наличии потенциал для непосредственной коммуникации между участниками сети. При этом "массовость" Интернет-коммуникаций напрямую зависит от технологической доступности сетей в государствах, а также уже упомянутого контроля над ними.

Групповые акторы политической коммуникации, включающие в себя *государственные* и *негосударственные* образования, оказываются в прямой зависимости от массового коммуникационного канала. Вспомним модель Д. Истона, согласно которой в "черный ящик" политической системы входит информация из внешней социальной среды, а на выходе образуются потоки сформированных политических решений и информации, передаваемой властными институтами.

Государственные акторы (федеральные, региональные, муниципальные ведомства, политические элиты) вынуждены обращать большое внимание на взаимодействие со СМИ и выстраивание положительного образа в массовой коммуникации. Донесение политических решений и обоснование своей конструктивной позиции ныне являются одними из ключевых моментов в работе государства с электоратом.

Негосударственным акторам (НПО, общественные объединения, группы интересов), в свою очередь, приходится артикулировать свои интересы государственным институтам, а также вести коммуникационную работу по привлечению внимания со стороны массового потребителя информации.

Особую значимость в наши дни приобретают индивидуальные акторы политической коммуникации. Активно развивающиеся в современных условиях технологии построения виртуальной реальности дают возможность "сращивания" каналов, при котором, например, межличностный или межгрупповой обмен мнениями, перенесенный в пространство Всемирной сети, приобретает черты массовой коммуникации. Соответственно увеличивается политический вес отдельных категорий пользователей Всемирной сети, публикующих политические тексты в он-лайн ресурсах, которые охватывают хоть в какой-то мере значительную часть аудитории. Очевидно, что индивидуальные акторы коммуникации

из среды политически активных пользователей информационных сетей получают широчайший потенциал для влияния на аудиторию, постепенно превращаясь в самостоятельные СМК.

Характерной иллюстрацией к данному тезису могут послужить события "твиттерной революции" 2009 г. в Республике Молдова, которая и получила свое неформальное название в честь известного микроблога, возможности которого были использованы для консолидации политически активной части населения. В тот момент аналитики признавали, что акции протеста по большей части были спонтанными и что они стали результатом митингов, организованных представителями оппозиции, интерес к которым подогревался перепиской в микроблогах "Твиттер" и через SMS[19].

Как мы видим, политическая коммуникация как многоуровневая система обмена информацией в зависимости от точки зрения исследователя способна актуализировать различные аспекты своего функционирования. Так, представляется возможным допускать ее широкую трактовку в качестве некоего пространства, входящего в политическую систему и внутри которого происходит весь процесс коммуницирования политических акторов. В то же время политическая коммуникация может выполнять роль самостоятельного объекта политического процесса, используя который его участники могут вести переговорный процесс, передавать сообщения, связываться друг с другом и т.д. Следовательно, исходя из изложенных выше особенностей развития в условиях современных тенденций развития демократических институтов и информационных технологий, политическая коммуникация выступает как среда функционирования смыслов, сигналов, отношений между субъектами политического пространства, а также как инструмент, связывающий между собой субъекты политики и обеспечивающий передачу и выстраивание вышеупомянутых смыслов, сигналов, отношений.

[1] Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.

[2] Чеснокова Т.Ю. Постчеловек. От неандертальца до киборга. М.: Алгоритм, 2008. С. 89.

[3] Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. С. 158.

[4] Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос, 2010. С. 123.

[5] Сарчинелли У. Старые СМИ – новые СМИ. К вопросу об отношениях между журналистикой и политикой // Актуальные проблемы Европы. Средства массовой информации и демократия в современном мире: Сб. статей и рефератов. М.: РАН ИНИОН, 2002. С. 39.

[6] Кулик А.Н. Публичность политики, эффективность государства и демократия в начале XXI в. // Публичная политика в контексте задач модернизации России: конструктивный потенциал и формы использования. М.: РОССПЭН, 2012. С. 71.

[7] Назарчук А.В. Понятие делиберативной политики в современном политическом процессе // Полис. Политические исследования. 2011. №5 (125) С. 100–101.

[8] Там же. С. 40.

[9] Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М.: Физматлит, 2010. С. 3.

[10] Бард А., Зодерквист Я. Netократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. С. 7.

[11] Там же.

[12] Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей, 2004. С. 70.

[13] Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты. Харьков: Гуманитарный центр, 2010. С. 154–155.

[14] Там же.

[15] Володина М.Н. Язык СМИ – особый язык социального взаимодействия // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Ч.2. М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2004. С. 34.

[16] Castells M. The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society, and Culture, Vol. 1. Malden: Blackwell, 2000. 594 p.

[17] Ibid.

[18] O'Reilly T. What Is Web 2.0 [Electronic source] – Access mode: http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html

[19] Kramer D., Hill W. Moldova: the Twitter Revolution that wasn't – URL: http://www.opendemocracy.net/article/email/moldova-the-twitter-revolution-that-wasn-t